

Г.У. Хаджиева

Университет «Туран», Казахстан, г. Алматы

e-mail: g.khajiyeva@turan-edu.kz

О РОЛИ «КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ» В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ КИТАЯ: ВОСПОМИНАНИЯ ОЧЕВИДЦЕВ И СОВРЕМЕННЫЕ ОЦЕНКИ

В статье рассматривается феномен «Культурной революции», одного из самых противоречивых и трагических явлений в истории Китая. Автором предпринята попытка всесторонней оценки «Культурной революции», ее влияния на ход исторического процесса в Китае. Внутренняя логика и глубокое понимание предпосылок, целей, сущности и роли данного явления раскрываются через призму научных и мемуарных трудов, написанных очевидцами событий, происходивших в 1966–1976-е гг. в Китае. Статья подготовлена на основе исследований, проведенных в рамках научного проекта «Устная история миграции из Китая в Казахстан в 1950–1970-е годы». Данная работа проводилась с целью выявить последствия столь радикальной и масштабной кампании для политической и социально-экономической сфер жизни китайского общества, степень ее влияния на вынужденную миграцию 1950–1970-х гг. из Китая в Казахстан. Реконструирование хода событий «Культурной революции» проводилось с помощью метода исторической детализации, позволяющего исследовать этот сложный период поэтапно, причем на каждом этапе выявлялись именно те особенности, события, реформы, которые повлекли за собой негативные политико-социальные последствия, повлиявшие на миграционные намерения населения. Оценка событий периода «Культурной революции», завершившей серию политических кампаний и экономических экспериментов первых десятилетий Китайской Народной Республики, помогает понять ее влияние на внутреннюю и внешнюю политику страны, а также особенности политического и социально-экономического развития современного Китая. Поскольку всего через два года после окончания «Культурной революции» в стране начались глубокие экономические реформы и рыночные трансформации, которые способствовали преобразованию Китая в мировую экономическую державу.

Ключевые слова: Китай, политическая кампания, культурная революция, идеология, экономические последствия, социальные потрясения.

G.U. Khajiyeva

Turan University, Kazakhstan, Almaty

e-mail: g.khajiyeva@turan-edu.kz

On the role of the «Cultural Revolution» in the socio-economic life of China: eyewitness accounts and modern assessments

The article examines the phenomenon of the “Cultural Revolution”, one of the most controversial and tragic phenomena in the history of China. The author attempts a comprehensive assessment of the “Cultural Revolution”, its impact on the course of the historical process in China. The inner logic and deep understanding of the prerequisites, goals, essence and role of this phenomenon are revealed through the prism of scientific and memoir works written by eyewitnesses of the events that took place in the 1960s and 1970s in China. The article was prepared on the basis of research conducted within the framework of the scientific project “Oral history of migration from China to Kazakhstan in the 1950s–1970s”. This work was carried out in order to identify the consequences of such a radical and large-scale campaign for the political and socio-economic spheres of Chinese society, the degree of its influence on the forced migration of the 1950s and 1970s from China to Kazakhstan. The reconstruction of the course of events of the “Cultural Revolution” was carried out using the method of historical detail, which allows us to study this difficult period in stages, and at each stage revealed exactly those features, events, reforms that entailed negative political and social consequences that affected the migration intentions of the population. An assessment of the events of the period of the “Cultural Revolution”, which completed a series of political campaigns and economic experiments of the first decades of the People’s Republic of China, helps to understand its impact on the domestic and foreign policy of the country, as well as the peculiarities of the political and socio-economic development of modern China. Because just two years

after the end of the “Cultural Revolution”, deep economic reforms and market transformations began in the country, which contributed to the transformation of China into a world economic power.

Key words: China, political campaign, cultural revolution, ideology, economic consequences, social upheavals.

Г.У. Хаджиева

«Тұран» университеті, Қазақстан, Алматы қ.
e-mail: g.khajiyeva@turan-edu.kz

**Қытайдың әлеуметтік-экономикалық өміріндегі
«Мәдени революцияның» рөлі туралы:
күәгерлердің естеліктері және қазіргі бағалаулар**

Мақалада Қытай тарихындағы ең даулы және қайғылы құбылыстардың бірі «Мәдени революция» құбылысы қарастырылады. Автор «мәдени революцияны», оның Қытайдағы тарихи процестің барысына әсерін жан-жақты бағалауға тырысты. Бұл құбылыстың алғышарттарын, мақсаттарын, мәні мен рөлін ішкі логика мен терең түсіну 1966–1976 жылдары Қытайда болған оқиғалардың күәгерлері жазған ғылыми және мемуарлық еңбектердің объективі арқылы ашылады. Мақала «1950–1970 жылдары Қытайдан Қазақстанға көші-қонның ауызша тарихы» ғылыми жобасы шеңберінде жүргізілген зерттеулер негізінде дайындалды, СТН АР08856732. Бұл жұмыс Қытай қоғамының саяси және әлеуметтік-экономикалық салалары үшін осындай радикалды және ауқымды науқанның салдарын, оның 1950–1970 жылдардағы Қытайдан Қазақстанға мәжбүрлі көші-қонына әсер ету дәрежесін анықтау мақсатында жүргізілді. «Мәдени революция» оқиғаларының барысын қайта құру осы күрделі кезеңді кезең-кезеңімен зерттеуге мүмкіндік беретін тарихи егжей-тегжейлі әдіс арқылы жүзеге асырылды және әр кезеңде халықтың көші-қон ниеттеріне әсер еткен жағымсыз саяси-әлеуметтік салдарға әкеп соқтырған ерекшеліктер, оқиғалар, реформалар анықталды. Қытай Халық Республикасының алғашқы онжылдықтарындағы бірқатар саяси науқандар мен экономикалық эксперименттерді аяқтаған «Мәдени революция» кезеңіндегі оқиғаларды бағалау оның елдің ішкі және сыртқы саясатына, сондай-ақ қазіргі Қытайдың саяси және әлеуметтік-экономикалық даму ерекшеліктеріне әсерін түсінуге көмектеседі. «Мәдени революция» аяқталғаннан кейін екі жыл өткен соң, елде терең экономикалық реформалар мен нарықтық өзгерістер басталды, бұл Қытайдың әлемдік экономикалық державаға айналуына ықпал етті.

Түйін сөздер: Қытай, саяси науқан, мәдени революция, идеология, экономикалық салдары, әлеуметтік толқулар.

Введение

В рамках исследования причин и факторов миграции 1950-1970-х гг. из Китая в Казахстан феномен «культурной революции» требует всесторонней оценки, глубокого понимания внутренней логики данного явления, его влияния на ход исторического процесса в Китае. «Культурная революция» несомненно является одним из самых противоречивых и трагических явлений в истории Китая.

Идею «Культурной революции» можно считать последней революционной инициативой в череде многочисленных кампаний и экспериментов Мао Цзэдуна. Начавшись в мае 1966 года, она продлилась на целое десятилетие, до октября 1976 года, став самым масштабным явлением не только политической жизни КНР, но и всего мирового социально-революционного движения.

В Китае «Культурная революция» явилась результатом приспособления марксистско-ленин-

ской теории к специфическим условиям страны, сложившимся к середине 60-х годов XX в. К этому времени страна испытывала пагубные итоги «Большого скачка» и «Народных коммун», созданных в результате коллективизации, приведшей к упадку сельского хозяйства, масштабному голоду и гибели в 1960 году 20 млн. человек. Столь разрушительные последствия обострили разногласия в руководстве КПК, накалили классовую борьбу, что негативно сказывалось на общей политической ситуации в стране.

Среди причин «Культурной революции», помимо обострения политической борьбы, неудачных экономических экспериментов, можно назвать не менее серьезный аспект, связанный с кризисом общественных отношений. Как справедливо предполагает Мчедлова Е.М., изменившаяся социальная реальность способствует выхолащиванию существующих традиций, самоидентификации личности, потере морально-нравственных ориентиров. Широко распространенный кризис в обществах сопровождается так

называемым ценностно-мотивационным кризисом, который особенно остро затрагивает молодое поколение. Но как это проявляется? Очевидно, в отказе от прежних ценностей, в том числе и от ценностей прежней системы (Mchedlova, 2021:199, 202).

Сложная ситуация внутри страны усугублялась неудачами внешней политики КНР. Французский исследователь китайской «Культурной революции» Франсуа Жойо правомерно ставит вопросы о возможных истоках данного явления с точки зрения внешнего влияния. Связана ли «Культурная революция», в каком-то смысле, с внешними проблемами? В частности, была ли внешняя политика Китая одним из факторов, приведших китайских лидеров, поддерживающих маоистскую линию, к запуску «Культурной революции» в конце 1965 года? И в какой мере сложное международное положение КНР способствовало «Культурной революции»? Далее Франсуа Жойо выделяет три внешние проблемы, которые действительно могли иметь некоторое влияние в этом отношении: идеологический разрыв между Китаем и СССР, военная эскалация США во Вьетнаме и неудачи китайской дипломатии во многих странах третьего мира. (Joyaux, 1968: 43-45)

Провальная внутренняя и внешняя политика Мао Цзэдуна окончательно подорвала его авторитет среди партийного окружения и народных масс. Почувствовав свою уязвимость в кругу консервативно настроенных товарищей и стремясь удержать власть, Мао Цзэдун инициирует запуск «Культурной революции» и развязывает кампанию по борьбе с ревизионизмом, по очищению партии от инакомыслящих конкурентов, по укреплению своего политического влияния.

Обзор литературы

В качестве теоретической базы исследования политико-экономического развития Китая в 1960-1970-е годы были использованы такие обобщающие труды советской и российской синологии, как «КПК. Политико-идеологические кампании 1949–1976 гг.» В.Н. Усова (Усов, 2009), «Идейно-политические аспекты модернизации КНР: от Мао Цзэдуна к Дэн Сяопину» Д.А. Смирнова (Смирнов, 2005), «Китай: кризис продолжается» Гельбраса В.Г. (Гельбрас, 1973). Большим подспорьем в исследовании «культурной революции» послужили работы западных синологов. Необходимо отметить, что в зарубежной историографии дается не-

однозначная оценка китайской «культурной революции». Позитивно-либеральную окраску события «культурной революции» получили в исследованиях американских синологов Дж. Арчера (Archer, 1972), Дж. Фэрбэнка (Fairbank, 1985), К.П. Фицджеральда (FitzGerald, 1976), а также известного английского экономиста Джоан Робинсон (Robinson, 1968). Критичной характеристики культа личности Мао Цзэдуна и негативной оценки трагических последствий «культурной революции» придерживались французские исследователи Ф. Жойо (Joyaux, 1968), М. Бастид-Брюгьер (Bastid, 1967), Моник де Сент-Мартен (Saint-Martin, 2005), Соланж Брэнд (Solange, 2009), Мишель Боннен (Bonnin, 2004), Жан-Лук Доменач (Domenach, 2012), американские синологи С. Лейз (Leys, 1977) и Р. Лифтон (Lifton, 1968). Как нам представляется, столь противоречивые трактовки сущности «культурной революции» говорят о сложности и многогранности данного социального феномена, повлиявшего практически на все стороны политической и социально-экономической жизни Китая.

Материалы и методы

Исследователи разнообразных аспектов «Культурной революции» до сегодняшнего времени ведут дискуссии о ее предпосылках, целях, сущности, этапах, характере развития, последствиях и роли. На наш взгляд особый интерес представляют научные и мемуарные труды, написанные очевидцами событий, происходивших в 1960-1970-е гг. в Китае. (Желоховцев, 1973; Капица, 1996; Федотов, 2005; Галенович, 2010; Кулик, 2000; Кишкина, 2014). Необходимо отметить, что подобные источники личного происхождения можно рассматривать в качестве исторических источников, отражающих реальную действительность прошедшего времени, преломленную через личность участника и наблюдателя событий. Такая методика позволяет на основе имеющихся источников, воссоздать отдельные события, имевшие место в прошлом, более глубоко и разносторонне реконструировать ход событий такого сложного и противоречивого исторического этапа, как «Культурная революция».

В своих воспоминаниях французский ученый-синолог Марианна Бастид-Брюгьер восстанавливает ход событий с момента своего приезда в 1964 году в Китай в качестве профессора Пекинского университета. Она выделя-

ет две фазы «Культурной революции»: первая фаза, продлившаяся с 1963 года до конца мая 1966 г., которая охарактеризована как социалистическая культурная революция; вторая фаза, с самого начала июня 1966 года – является периодом Великой пролетарской культурной революции. (Bastid, 1967: 69) Первоначальный этап довольно мирного развития событий был отмечен интересными дискуссиями и реформами, особенно в интеллектуальных кругах, но не только, движение получило широкий размах и затронуло разнообразные слои населения. В 1963 г. в начале кампании социалистического воспитания, среди населения велась разъяснительная работа о том, что социалистическая революция помимо политических, экономических и социальных аспектов, включает культурный вопрос. И если экономические и социальные основы революция уже обеспечила, то культурная сфера нуждалась в очищении, чтобы гарантировать продолжение и чистоту социализма в Китае. Культурный аспект был взят в очень широком смысле: идеология, искусство, литература, мораль, обычаи и нравы. Достижение поставленной цели потребует моральной и умственной трансформации людей.

День 1 июня 1966 г. стал поворотным моментом, когда на смену до сих пор узкого круга политиков и высокопоставленных интеллектуалов пришла неуправляемая масса из толпы и начались великие потрясения. Всю ночь с 1 на 2 июня эхом разносились звуки барабанов, гонги, прокламации, одни за другими следовали шествия студентов, школьников, руководителей, рабочих и даже крестьян из пригородов, которые шли пешком в стихийном шествии с музыкой, транспарантами, плакатами и речами в поддержку революционного выступления своих товарищей из Пекинского университета. Беспорядочный поток людей вливался в университет автобусами, грузовиками, на велосипедах, пешком. 14 августа мы увидели появление на улицах молодых людей с красными нарукавными повязками, на которых желтыми буквами было написано «хунвэйбинь» (красногвардейцы). На них были кепки, форма цвета хаки и ремень с металлической застежкой поверх куртки. В первые дни, 18-23 августа, в их ряды вливались в основном учащиеся средних школ в возрасте от 12 до 20 лет, многие из которых так и не смогли вступить в Лигу коммунистической молодежи. Чтобы войти в ряды красногвардейцев, надо было быть сыном крестьянина, рабочего, солдата или революционного деятеля, не подвергавшегося кри-

тики. Таких, по подсчетам самих хунвэйбинов, было около 40 процентов студентов. Остальные представляли собой «выходцев из чуждых классов», из них примерно 55 процентов относились к мелкой буржуазии и 15 процентов составляли дети кадровых партийных работников. С 23 августа по первые числа сентября возраст участников расширился, с 6 до 30 лет, причем наиболее активными элементами являлись те, кому было от 7 до 22 лет. (Bastid, 1967: 82-83)

В редакционной статье армейской газеты «Освобождение» от 18 апреля появилось выражение «Великая пролетарская культурная революция». Партийные лидеры ясно выразили свое единое желание восстановить контроль над населением, для укрепления революционного энтузиазма, критики интеллектуалов, которые слишком легкомысленно относятся к социализму. Важно было распространить среди народных масс господствующие на тот момент призывы быть готовым Китаю к войне, предотвратить формирование новой буржуазии и не допустить затухания революции. Был объявлен период жесткой экономии с интенсивными усилиями типа большого скачка вперед, где экономика будет базироваться на зерновом производстве и тяжелой промышленности. Что вкуче с мерами по сокращению потребления должно сделать страну экономически самодостаточной. В политической сфере должны быть сняты все социальные привилегии, исключения, запрещены кружки, небольшие партии, которые могут служить основой для оппозиции. В идеологическом поле ставилась задача коллективизации культуры и искусства, придания им динамического содержания в соответствии с идеалами традиционного Китая. В качестве ударной группы для реализации поставленных задач и пробуждения взрослого населения была поднята молодежь, как наиболее поддающаяся революционным убеждениям и склонная к неожиданным потрясениям.

По мнению Марианны Бастид-Брюгьер, создание Красной гвардии и развязывание «Культурной революции» были предприняты Мао Цзэдуном с целью предотвращения в Китае двойной угрозы: американской агрессии извне и «реставрации капитализма» изнутри, когда в партийных рядах на всех уровнях пустил корни ревизионизм. Помимо этого жесткая линия ведения классовой борьбы оправдывалась ее сторонниками риском смыкания внутреннего ревизионизма с ревизионизмом за пределами страны, в первую очередь с советским, что неизбежно ста-

вит партию и государство перед лицом реальной угрозы реставрации капитализма.

В отличие от Марианны Бастид-Брюгьер российский синолог Усов В.Н. выделяет три этапа «Культурной революции» в Китае (Усов, 2009: 335-349)

Первый этап охватывает временные рамки от ее развертывания Мао Цзэдуном в мае 1966 г. до IX съезда КПК, прошедшего в апреле 1969 г. Это была наиболее активная и разрушительная фаза «культурной революции». 4-26 мая 1966 г. на расширенном заседании Политбюро ЦК КПК было принято «Сообщение ЦК КПК от 16 мая», где излагались основные идеи Мао Цзэдуна о «культурной революции», об опасности захвата власти группой контрреволюционных ревизионистов и превращении диктатуры пролетариата в диктатуру буржуазии. Было также принято решение о расформировании созданной ранее «Группы пяти» во главе с Пэн Чжэнем и учреждении новой Группы по делам «культурной революции» при ЦК КПК» (ГКР), состоявшей из 18 человек, ставшей практически штабом «культурной революции». Во время совещания публикуется серия открытых статей с критикой Пекинского горкома и его печатных органов, с призывом открыто начать новую политическую кампанию. Разжигание пламени «культурной революции» было решено начать с Пекинского университета. Секретарю объединенного парткома философского факультета Не Юаньцзы, в свое время подвергнутой критике со стороны секретаря Пекинского университета Лу Пина в период кампании «четырех чисток», теперь было предложено выступить против Лу Пина. Согласившись, 25 мая 1966 г. она вместе с шестью другими студентами и аспирантами университета вывесила первую дацзыбао – газету, написанная большими иероглифами с целью политической пропаганды, ставшую одним из символов «культурной революции». Она была полностью посвящена дискредитации парткома университета и содержала призыв решительного уничтожения всех контрреволюционных ревизионистских элементов. Таким образом, «культурная революция» впервые выплеснулась из стен закрытых совещаний на улицу, и первым местом этого стал старейший Пекинский университет. Появление дацзыбао в университете было первой акцией ГКР.

Второй этап «культурной революции» охватывает период с 1969 г. и до августа 1973 г., когда состоялся X съезд КПК. В руководстве КНР к началу второго этапа сложилась новая

расстановка сил и продолжалась борьба между тремя основными фракциями элиты. Самой влиятельной силой являлась фракция военных, контролировавшая ситуацию как в центре, так и на местах. Во главе военной фракции стоял Линь Бяо, официально объявленный «продолжателем дела товарища Мао Цзэдуна». Вторая фракция состояла из тех, кто сделал себе политическую карьеру в ходе «культурной революции», сумевшие занять руководящие посты как в гражданских, так и в военных структурах разного уровня. Третью фракцию составляли так называемые «старые кадры», ряды которых значительно поредели в ходе «культурной революции», но сохранились. «Старые кадры» были представлены практиками, хорошо разбиравшимися в вопросах административного и хозяйственного управления, обладающими обширными связями в партийно-государственном аппарате.

К началу 1971 г. в партийных комитетах провинциального уровня посты секретарей на 60% занимали военные. «Старым кадрам», т.е. штатским ганьбу, принадлежало около 34% таких постов. Выдвиженцы «культурной революции» оказались задвинуты на третье место – им досталось только 6% постов. (Непомнин, 2011: 581) Столь очевидный рост влияния военных не мог не обеспокоить Мао Цзэдуна. Поэтому главными событиями данного этапа было исчезновение с политической арены министра обороны, маршала Линь Бяо и группы военных руководителей, шесть из которых были членами Политбюро ЦК КПК. Вслед за этим прошла новая чистка армии, в ходе которой десятки тысяч офицеров подверглись репрессиям. Однако, были восстановлены на своих постах некоторые руководители, которые подвергались преследованиям в прошлом, а марте 1973 г. был возвращен на должность заместителя премьер-министра Госсовета Дэн Сяопин.

Третий этап продлился с 1973 г. до осени 1976 г. включительно, когда в октябре была арестована так называемая «Банда четырех», наиболее активных проводников «культурной революции», особенно в три последних года. На третьем этапе кампании обстановка в стране продолжала оставаться напряженной. В начале 1974 г. была развернута новая общенациональная политико-идеологическая кампания «критики Линь Бяо и Конфуция». Особенно острым нападкам подвергся Чжоу Эньлай, который вскоре после этого тяжело заболел, но успел посодествовать поручению текущей работы в ЦК КПК с согласия Мао Цзэдуна Дэн Сяопину.

По воспоминаниям Желоховцева А.Н., проходившего по программе обмена между министерствами высшего образования СССР и КНР научную стажировку в Педагогическом университете в Пекине с февраля 1966 г. и невольно ставшего очевидцем трагических событий, «культурная революция» представлялась бесконечным, непрерывающимся ни днем, ни ночью, кошмарным спектаклем, конец которого был неизвестен. В своем очерке он пытается разобраться в тайных политических пружинах, скрытно подталкивающие взбудораженную толпу: «Революционеры» чувствовали могучую поддержку государственной силы за спиной, которая обеспечивала им безнаказанность и свободу рук. Как раковая опухоль, движение «культурной революции» поражало и уничтожало жизненно важные органы страны, а центр, мозг, ЦК КПК, был парализован либо, что еще хуже, поощрял их шаг за шагом.... Насилие в дни «культурной революции» развращало людей, оно особенно опасно воздействовало на подростков... В сентябре 1966 г. центром, осью всей китайской жизни являлись хунвэйбины, которые по наущению маоистов с полной безнаказанностью расправлялись с творческой интеллигенцией Китая. В условиях террора, насилия, ожесточенной борьбы за власть наверху и анархо-группового соперничества внизу культурная жизнь КНР сошла на нет. Прекратился выход литературных журналов и новых книг, бумага шла на издания многомиллионными тиражами сочинений Мао Цзэдуна. Были разгромлены книжные магазины, сняты из проката кинофильмы прошлых лет, репертуар театров сократился до пяти-шести «революционных» пьес, киноискусство перешло к выпуску прославляющих великого кормчего фильмов... Культ личности Мао Цзэдуна подавил все сферы художественной деятельности. Страна в культурном смысле была превращена в пустыню... Живя в Китае, наблюдая поведение и нравы, я все больше укреплялся в мнении, что вежливость, послушание – качества, достигшие здесь всеобщего распространения. Но почему же так легко, с такой твердой верой в свою правоту молодые ребята, не дрогнув, творили жестокий суд и расправу над людьми старшего поколения, издевались над ними, попирая человеческое достоинство, словно бы никогда не ведали о нем? Как легко, как бездумно поверили они в то, что творимые ими бесчинства и издевательства над людьми и есть революция, свергающая власть недостойного начальства, как легко поддались они фанатизму... Я всегда питал симпатию к

китайцам и охотно дружил со своими сверстниками. Но теперь, столкнувшись лицом к лицу с «культурной революцией», я невольно задумался. Университетская молодежь забросила книги, оплевывала седины, насмехалась над знаниями и самой наукой; эти прежде такие милые и вежливые ребята стали насильниками и погромщиками. Может ли что-нибудь еще быть горше? И все же я пытался объяснить самому себе их поведение: они только инструмент, орудие злой воли. Вина же за все творимое падает на тех, кто сознательно, в государственном масштабе развязал дикие инстинкты, сделал одних прямыми жертвами насилия, а других развратил насилием. (Желоховцев, 1973: 105, 230-233)

Другим очевидцем драматических страниц истории КНР стала Соланж Брэнд, одна из немногих западных корреспондентов, которой удалось запечатлеть события «Культурной революции» изнутри, делая репортажи о революционном Пекине 1966 г.: «С весны 1966 года школьники и студенты были с энтузиазмом мобилизованы, что положило начало шумной череде парадов, лозунгов, гонгов и барабанов. «Красные охранники» вторглись в серый Пекин. В августе огромные парады следовали один за другим на проспекте Чэн Ань и площади Тяньаньмэнь, где Мао Цзэдун восемь раз принимал миллионы молодых людей, приехавших со всей страны, чтобы выразить ему свое почтение. Везде слышалась выученная наизусть и читаемая хором «Красная книжка», содержащая мысли председателя Мао, которые умело управляли поведением и устремлениями масс. Но 1 октября 1966 г. уникально. Никакого военного парада, никаких красочных инсценировок: часами только непрерывный парад молодых красногвардейцев, нарукавные повязки, синие или цвета хаки куртки, белые рубашки; женщины в брюках с уже подстриженными косичками. Все размахивают «Красными книжками в ритме лозунгов, красной волной, по которой плывут флаги и знамена одного цвета». (Solange, 2009: 14)

Результаты и обсуждения

Как уже отмечалось выше, IX съезд партии в апреле 1969 г. закрепил результаты, достигнутые коалицией Мао Цзэдуна в годы «культурной революции» и ознаменовал завершение ее наиболее ожесточенной фазы. Мао Цзэдуну к этому времени удалось вывести из высшего партийного руководства своих противников. Для того чтобы свергнуть господство самого верхнего

слоя партийной элиты, вождю пришлось нанести удар по всей бюрократической среде сверху до низу. Значительно укрепилась военная верхушка на фоне дезорганизованной и ослабленной штатской бюрократии. Действуя по принципу «разделяй и властвуй», Мао не только направлял одних против других, но и поочередно наносил удары и по тем и по другим. Сначала под удар попали «старые кадры», потом хунвэйбины, а затем и военные.

Эра Мао Цзэдуна завершилась его смертью 9 сентября 1976 г. Последовавшие после его смерти события, связанные с арестом и устранением по инициативе маршала Е Цзяньина от власти «банды четырех», явились важным рубежом в истории КНР. Они поставили точку на крупнейшей политической кампании, объявленной в Китае национальной катастрофой.

Трагическая сторона движения «Сокрушим четыре пережитка», началась летом 1966 г. с выявления, конфискации или уничтожения имущества, принадлежащего семьям с «плохим» классовым происхождением, то есть буржуазным и мелкобуржуазным, к которым отнесли даже учителей. В августе и сентябре 1966 г. в Пекине «Красные охранники» или люди, которые выдавали себя за них, разграбили дома 33 695 семей. В Шанхае в промежуток с 23 августа по 8 сентября разграбили дома 84 222 «буржуазных» семей, из них 1231 дом принадлежал интеллигенции или учителям. (Стульникова, 2016: 83)

В Пекине «Красные охранники» за месяц с небольшим конфисковали 103 000 лян (около 5,7 тонн) золота, 345 200 лян серебра, 55 459 900 юаней наличными и 613 600 предметов антиквариата. В официальном документе, разосланном для ознакомления на центральной партийной рабочей конференции в октябре 1966 г., тот факт, что «Красные охранники» по всему Китаю конфисковали в сумме 1 188 000 лян (около 65 тонн) золота, был представлен как «конфискация у эксплуататоров несправедливо нажитого богатства». (Нянь Ван, 1988: 71) Помимо конфискации и уничтожения частной собственности, издевательств (или еще хуже) над ее владельцами, «Красные охранники» занимались также уничтожением государственного имущества. К моменту завершения «Культурной революции», в Пекине было уничтожено 4922 из 6843 официально признанных «культурных и исторических памятников», большинство из них в период с августа по сентябрь 1966 г. (Saint-Martin, 2005: 85)

Но это было не самым большим бедствием. Многих городских жителей выселяли из своих

домов и насильно репатриировали в деревни, откуда происходили их предки. На более низких уровнях, репатриацию активнее поддерживали партийные активисты, полиция и жилищные комитеты, имеющие доступ к спискам тех, кто относился к «враждебным элементам». Во многих случаях репатриация использовалась жителями переполненных городов, относящихся к рабочим, бедным крестьянам, солдатам, революционными кадрам, родственникам мучеников для того чтобы обеспечить дополнительное жилое пространство для себя и своих ближайших родственников.

За период с 18 августа по 15 сентября около 77 тыс. жителей Пекина, а это 1,7% населения города, было выслано из столицы. Из этого количества около 30 000 были просто супругами или детьми «монстров и демонов». Если брать территорию Китая в целом, то за аналогичный период около 397 тыс. городских неблагонадежных элементов было выслано в свои родовые деревни. (Чжоу Эньлай, 1981: 100)

Еще более удручающие данные приводит Моник де Сент-Мартен о почти семнадцати миллионах молодых китайских школьников в возрасте пятнадцати лет и старше, которые были официально отправлены в период с 1968 по 1980 год из городов в сельскую местность для «перевоспитания бедными и низшими крестьянами». (Saint-Martin, 2005: 174) Согласно инструкциям Мао Цзэдуна эти «образованные молодые люди», чжицин, обладающие знаниями, должны были превратиться в «крестьян нового типа», «наделенных социалистическим сознанием и культурой» на всю оставшуюся жизнь.

В книге «Потерянное поколение» французский исследователь Мишель Боннин проводит глубокое исследование о саян, политики смены целого поколения. Материал книги основан на беспрецедентной по масштабу и освоению многочисленных устных источников исследовательской работе (коллективные и индивидуальные интервью, проводившиеся с середины 70-х годов с бывшими чжицинами, в основном в Гонконге) и письменных (свидетельства, изданные на Западе и в Китае в виде автобиографий или «размышлений о творчестве», репортажная литература, получившая широкое развитие в Китае 1980-х гг., романы, автобиографии, песни, дацзыбао, фотографии на Пекинской стене демократии в 1979 г., официальная пресса, гонконгская пресса, внутренние политические и административные документы), а также богатой статистики китайских публикаций, собранных

во время поездок в разные провинции и города, разбросанные по труднодоступным местам. Таким образом, проведенное исследование на стыке социальной истории и исторической этнографии позволило автору всесторонне проанализировать политику перевоспитания, построенную на мобилизации и принуждении. Он приходит к мнению, что это система добровольной депортации, если ее можно так назвать, частично вдохновленная советской моделью, тем не менее являющаяся оригинальным созданием Коммунистической партии Китая. Сясян уходит своими корнями в историю этой партии и в идеологию ее лидера и представляет собой чрезвычайно редкий в мирное время пример быстрой нисходящей мобильности в очень больших масштабах.

Исходя из этого, Мишель Боннен ставит под сомнение доминирующие объяснения преимущественно экономическими и демографическими мотивами перемещение, и показывает, что чжизин были отправлены в сельскую местность по политическим и идеологическим причинам. Действительно, Мао Цзэдун хотел перевоспитать молодых интеллектуалов, преобразовать их менталитет, заставить их объединиться с массами, чтобы они не предали его революцию. Речь шла о том, чтобы усмирить красногвардейцев, упрочить власть политической линии Мао и не допустить возвращения «ревизионистов». Движение служило укреплению власти на основе идеологии лидера и личного престижа. Сясян должно, в частности, позволить разорвать связь между образованием и социальным положением и санкционировать продвижение по службе только на основе более или менее революционного отношения каждого к классовой борьбе. Необходимо было не допустить образования элиты наследственного или технократического типа, утвердить примат революционной идеологической задачи над социально-экономическими соображениями, что предполагало важную мобилизационную работу.

Именно жизненный опыт этих образованных молодых людей, которые оставались на фермах и в деревнях в среднем от пяти-шести до десяти-одиннадцати лет, находится в центре внимания Боннина. Чжизин были отрезаны от своих семей, своих друзей, своего повседневного окружения, им было запрещено учиться и строить планы на будущее.

После нескольких лет, проведенных в деревнях или на фермах, многие чжизин чувствовали себя чужими везде: и в деревне, и по возвраще-

нии в родной город, где они составляли настоящий люмпен-пролетариат. Потери представителей этого принесенного в жертву поколения также были очень высоки: вынужденное прекращение учебы, отказ от многих проектов, разрыв с семьей и будущим, эмоциональные, моральные, физические страдания, чувство отверженности. Таким образом, сясян привело к формированию «потерянного поколения», которое, в частности, потеряло свои иллюзии, свои надежды, а также для подавляющего большинства возможность учиться, но и поколение «вдумчивое», ясное, с исключительным социальным и политическим опытом, которая научилась подвергать сомнению ложные доказательства, самые произвольные решения, в которую сегодня входят художники, писатели и исследователи в значительном количестве, умеющие опираться на свой опыт, предлагать анализы и создавать оригинальные произведения. (Bonnin, 2004)

Заключение

По мнению китайских историков самым разрушительным бедствием со времени основания КНР стало десятилетие «культурной революции», длившееся с мая 1966 по октябрь 1976 г. и принесшее наиболее провальные неудачи и колоссальные потери. К началу этой кампании культ личности Мао Цзэдуна достиг своего пика.

«Культурная революция» явилась прямым продолжением тех методов, которые применялись во время предыдущих политических кампаний. Так, если период «большого скачка» сопровождался дискредитацией технической и творческой интеллигенции, «консервативно настроенных» партийных работников, то теперь к этому добавились массовые гонения на партийные, профсоюзные и комсомольские кадры.

К этому времени зависимость экономического развития от социально-политических факторов приобрела абсолютный характер. Были выдвинуты главные призывы «взяться за классовую борьбу» и «вести социалистическое воспитание». Кроме того, появление нового внешнего врага, СССР, позволило мобилизовать социально-политическую активность. Были внесены существенные коррективы в экономическую политику, взявшую в 1963-1965 гг. курс на милитаризацию.

Беспорядки первых двух лет культурной революции остановили рост экономики и привели даже к ухудшению ситуации. Вплоть до сентября 1966 года правящая верхушка пыталась предот-

вратить наносимый мятежами ущерб экономике. Затухание движения красных охранников к 1968 году сопровождалось лозунгом «рабочий класс должен быть лидером во всем», когда восстановление власти Партии привело к двум годам сверх быстрого роста. Остаточные последствия культурной революции привели к умеренному, даже неравномерному росту, вплоть до 1976 года, когда политические потрясения снова привели к спаду производства. (Стульникова, 2018)

Культурная революция была движением в большей степени политическим, чем экономическим. Радикальные последователи маоизма установили твердый контроль над средствами массовой информации, культурой и средствами пропаганды, но они в гораздо меньшей степени контролировали министерства, управляющие производством. Радикалы руководили голосом культурной революции, не всегда при этом контролируя рычаги производства.

Сегодня уже никто не сможет назвать точное количество жертв «Культурной революции». Цифры варьируются от 750 тыс. до 1,5 млн. человек, умерших насильственной смертью. (Зарахович, 2015) Некоторые приводят данные о том, что «Культурная революция» унесла жизни 4 млн. человек. Но число покалеченных, заму-

ченных, избитых, униженных оценивается в 100 млн. Это означает, что каждый восьмой китаец, или каждый второй взрослый пострадал. (Domenach, 2012)

Таким образом, несмотря на то, что «Культурная революция» была задумана как интенсивная, но бескровная политическая и идеологическая кампания, она нанесла стране непоправимый материальный ущерб и повлекла огромные человеческие жертвы. До настоящего времени происходит осознание и оценка степени социальных, нравственных и интеллектуальных потрясений, вызванных этим масштабным предприятием «перевоспитания» людей. Проведенное исследование позволяет заключить, что деструкция в политической, экономической и социальной сферах, вызванная сначала «большим скачком», затем «культурной революцией», послужила в 1950-1970-е годы выталкивающими факторами миграции, причинами массовых перемещений жителей КНР в Казахстан и другие среднеазиатские республики.

Настоящее исследование профинансировано Комитетом науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (Грант ИРН АР08856732).

Литература

- Archer, J. (1972) Mao Tse-Tung. New York: Hawthorn Books, Inc., 211 p.
- Bastid M. (1967) Origines et développement de la révolution culturelle, Politique étrangère, 32-1:68-86. DOI: 10.3406/polit.1967.2193
- Bonnin Michel. (2004) Génération perdue. Le mouvement d'envoi des jeunes instruits à la campagne en Chine, 1968-1980. Éditions de l'EHES (Civilisations et sociétés). 496 p. ISBN 978-2-7132-2016-6
- Галенович Ю.М. 50 лет с Китаем. – М.: Вагриус, ИзографЪ, 2010. – 348 с. ISBN 978-5-9697-0787-0
- Гельбрас В.Г. Китай: кризис продолжается. М., 1973. – 224 с.
- Domenach J-L. (2012) Comment Mao a dirigé la Chine, L'histoire, 57. DOI: 10.4324/9780429313356
- Желуховцев А.Н. «Культурная революция» с близкого расстояния: Записки очевидца. – М.: Политиздат, 1973. – 262 с.
- Joyaux F. (1968) Révolution culturelle et politique extérieure chinoises, Politique étrangère, 33-1:35-52. DOI: doi.org/10.3406/polit.1968.2165
- Зарахович В. «В Китае Культурная революция остается болезненным отпечатком в памяти». – Интервью Вероники Зарахович. 16 июня 2015 г. URL: <https://www.telerama.fr/monde/en-chine-la-revolution-culturelle-reste-douloureusement-imprimée-dans-les-memoires,124925.php> (Дата обращения 12.04.2022)
- Капица М.С. На разных параллелях. Записки дипломата. М.: Книга и бизнес, 1996. – 520 с. ISBN 5-212-00823-9
- Кишкина Елизавета (Ли Ша). Из России в Китай. Путь длиною в сто лет. – М.: Издательский проект, 2014. – 548 с. ISBN: 978-5-907015-46-3
- Кулик Б. Т. Советско-китайский раскол: причины и последствия. М., 2000. – 640 с.
- Leys S. (1977) The Chairman's New Clothes: Mao and the Cultural Revolution. New York, 261 p.
- Lifton R. (1968) Revolutionary Immortality: Mao Tse-tung and the Chinese Cultural Revolution. New York, 178 p.
- Mchedlova E.M. (2021). The impact of the crisis on the development of socio-cultural processes and values. Научный журнал «Вестник НАН РК», (5), 199–204. <https://doi.org/10.32014/2021.2518-1467.184>

Непомнин О.Е. История Китая. XX век – М.: Институт востоковедения РАН, Крафт+, 2011. – 736 с. ISBN 978-5-89282-445-3.

Няньи Ван. Да дунлуань дэ няндай. (Десятилетие великого переворота) / Няньи Ван. – Чжэнчжоу: Народное издательство Хэнани, 1988. – 658 с. ISBN 978-5-89282-445-3

Saint-Martin M. (2005) À propos de la Révolution culturelle chinoise “Dans Mouvements”, no 41:173-175. URL: <https://www.cairn.info/revue-mouvements-2005-4-page-173.htm> (Дата обращения 21.04.2022)

Смирнов Д.А. Идеино-политические аспекты модернизации КНР: от Мао Цзэдуна к Дэн Сяопину. – М.: ИДВ РАН, 2005. – 324 с.

Solange B. (2009) Retour sur la Chine de la Révolution culturelle “Le Monde diplomatique”, Octobre:14-15

Стульникова Э.Ф. Феномен «Культурной революции» в КНР: истоки, характер развития, современные оценки. Диссертация на соискание степени канд. истор. наук. – Казань. – 2016. – 228 с. URL: <http://www.dslib.net/vseobwaja-istoria/fenomen-kulturnoj-revoljucii-v-kr-istoki-harakter-razvitija-sovremennye-ocenki.html> (Дата обращения 02.04.2022)

Robinson, J. (1968). The Cultural Revolution in China. *International Affairs* (Royal Institute of International Affairs 1944), 44(2), 214–227. <https://doi.org/10.2307/2613119>

Усов В.Н. КПК. Политико-идеологические кампании 1949–1976 гг. // Духовная культура Китая: Энцикл.: В 5 т. Т. 4: Историческая мысль. Политическая и правовая культура / Гл. ред. М. И. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока РАН. – М.: Вост. лит.. – 2009. – С.308-351. URL: http://www.lib.csu.ru/ER/ER_China/fulltexts/TitarenkoMLT4_308-351.pdf (Дата обращения 05.03.2022)

Fairbank, J.K. (1985) *The Great Chinese Revolution 1800-1985*. New York: Harper & Row, 396 p.

Федотов В. Г. Полвека с Китаем: Воспоминания, записи, размышления. М., 2005. – 640 с. ISBN: 5-8243-0523-4

FitzGerald, C.P. (1976) *Mao Tse-Tung and China*. New York: Holmes & Meir Publishers, Inc., 166 p.

Чжоу Эньлай. Избранные сочинения. – 1980. – Т.1 – 564 с.

References

Archer, J. (1972) *Mao Tse-Tung*. New York: Hawthorn Books, Inc., 211 p.

Bastid, M. (1967) *Origines et développement de la révolution culturelle, Politique étrangère*, 32-1:68-86. DOI: 10.3406/polit.1967.2193

Bonnin Michel. (2004) *Génération perdue. Le mouvement d’envoi des jeunes instruits à la campagne en Chine, 1968-1980*. Éditions de l’EHESS (Civilisations et sociétés), 496 p. ISBN 978-2-7132-2016-6

Galenovich Ju.M. (2010) *50 let s Kitaem [50 years with China]*. М., 348 s. ISBN 978-5-9697-0787-0 (In Russian)

Gel’bras V.G. *Kitaj: krizis prodolzhaetsja [China: the crisis continues]*. М., 1973, 224 s. (In Russian)

Domenach J-L. (2012) *Comment Mao a dirigé la Chine, L’histoire*, 57. DOI: 10.4324/9780429313356

Zhelohovcev A.N. (1973) «Kul’turnaja revoljucija» s blizkogo rasstojanija: Zapiski ochevidca [«Cultural Revolution» at close range: Notes of an eyewitness]. М.: Politizdat, 262 s. (In Russian)

Joyaux F. (1968) *Révolution culturelle et politique extérieure chinoises, Politique étrangère*, 33-1:35-52. DOI: doi.org/10.3406/polit.1968.2165

Zarahovich V. «V Kitae Kul’turnaja revoljucija ostaetsja boleznennym otpechatkom v pamjati» [«In China, the Cultural Revolution remains a painful imprint in the memory»]. Interv’ju Veroniki Zarahovich. 16 ijunja 2015 g. URL: <https://www.telerama.fr/monde/en-chine-la-revolution-culturelle-reste-douloureusement-imprimee-dans-les-memoires,124925.php> (In Russian) (Accessed 12.04.2022)

Kapica M.S. (1996) *Na raznyh paralleljah. Zapiski diplomata [On different parallels. Notes of a diplomat]*. М.: Kniga i biznes, 520 s. ISBN 5-212-00823-9 (In Russian)

Kishkina Elizaveta (Li Sha). (2014) *Iz Rossii v Kitaj. Put’ dlinoju v sto let [From Russia to China. A journey of a hundred years]*. М.: Izdatel’skij proekt, 548 s. ISBN: 978-5-907015-46-3 (In Russian)

Kulik B.T. (2000) *Sovetsko-kitajskij raskol: prichiny i posledstvija [The Soviet-Chinese split: causes and consequences]*. М., 640 s. (In Russian)

Leys S. (1977) *The Chairman’s New Clothes: Mao and the Cultural Revolution*. New York, 261 p.

Lifton R. (1968) *Revolutionary Immortality: Mao Tse-tung and the Chinese Cultural Revolution*. New York, 178 p.

Nepomnin O.E. (2011) *Istorija Kitaja. XX vek [The history of China. XX century]*. М.: Institut vostokovedenija RAN, 736 s.

Mchedlova E.M. (2021). The impact of the crisis on the development of socio-cultural processes and values *Nauchnyj zhurnal «Vestnik NAN RK»*, no 5:199–204. <https://doi.org/10.32014/2021.2518-1467.184>

Njan’i Van. (1966) *Da dunluan’ dje njan’daj. (Desjatiletie velikogo perevorota). [The Decade of the Great Revolution]*. Narodnoe izdatel’stvo Hjenani, 658 s. ISBN 978-5-89282-445-3 (In Chinese)

Saint-Martin M. (2005) À propos de la Révolution culturelle chinoise “Dans Mouvements”, no 41:173-175. URL: <https://www.cairn.info/revue-mouvements-2005-4-page-173.htm> (Дата обращения 21.04.2022)

Smirnov D.A. Idejno-politicheskie aspekty modernizacii KNR: ot Mao Czjeduna k Djen Sjaopinu [Ideological and political aspects of China's modernization: from Mao Zedong to Deng Xiaoping]. M.: IDV RAN, 2005, 324 s.

Solange B. (2009) Retour sur la Chine de la Révolution culturelle. *Le Monde diplomatique*, Octobre: 14-15

Stul'nikova Je.F. (2016) Fenomen «Kul'turnoj revoljucii» v KNR: istoki, harakter razvitija, sovremennye ocenki [The phenomenon of the «Cultural Revolution» in China: origins, nature of development, modern assessments]. Dissertacija na soiskanie stepeni kand. istor. nauk. Kazan', 228 s. URL: <http://www.dslib.net/vseobwaja-istoria/fenomen-kulturnoj-revoljucii-v-knr-istoki-harakter-razvitija-sovremennye-ocenki.html> (In Russian) (Accessed 02.04.2022)

Robinson, J. (1968). The Cultural Revolution in China. *International Affairs* (Royal Institute of International Affairs 1944), no 44(2): 214–227. <https://doi.org/10.2307/2613119>

Usov V.N. (2009) KPK. Politiko-ideologicheskie kampanii 1949–1976 gg. [CPC. Political and ideological campaigns of 1949-1976]. *Duhovnaja kul'tura Kitaja: Jencikl.: V 5 t. T. 4: Istoricheskaja mysl'. Politicheskaja i pravovaja kul'tura* / Gl. red. M. JI. Titarenko; In-t Dal'nego Vostoka RAN. M.: Vost. lit. S.308-351. URL: http://www.lib.csu.ru/ER/ER_China/fulltexts/TitarenkoMLT4_308-351.pdf (In Russian) (Accessed 05.03.2022)

Fairbank, J.K. (1985) *The Great Chinese Revolution 1800-1985*. New York: Harper & Row, 396 p.

Fedotov V.G. (2005) *Polveka s Kitaem: Vospominanija, zapisi, razmyshlenija* [Half a Century with China: Memories, Notes, Reflections]. M., 640 s. ISBN: 5-8243-0523-4 (In Russian)

FitzGerald, C.P. (1976) *Mao Tse-Tung and China*. New York: Holmes & Meir Publishers, Inc., 166 p.

Chzhou Jen'laj. (1980) *Izbrannye sochinenija* [Selected writings]. T.1, 564 s. (In Russian)